

что следствие затягивалось и конца ему не было видно... «У меня все идет по старому, раз заведенному образцу, — пишет она матери через два месяца после ареста. — На этой неделе читала Шахова «Историю французской литературы». Эта книга меня очень заинтересовала. Во-первых, хорошо было бы для некоторого разнообразия почитать научную книгу, тем более что погода этому благоприятствовала, а потом тема интересная, по которой мне приходилось заниматься в Сорбонне. Я сдавала экзамен как раз по тому периоду, который рассматривается в этой книге. Составлена книга интересно и написана живо, но в отличие от других историков литературы мне показалось, что автор ее вносит слишком много субъективного в оценку событий и деятелей разбираемой им эпохи. Может быть, это придает большую живость его книге и делает ее более завлекательной, но иногда кажется, что он слишком пристрастен. Так, очень резок он в своих нападках на Гейне...»

И так день за днем, неделя за неделей. Молодая, полная сил женщина заперта в четырех стенах. Но ни в одном письме не прорывается ни жалоб, ни стопов, ни слез. И уж, конечно, нет сожалений о выбранном пути. Ее радует каждое сообщение с воли. Мария Александровна не пытается посылать Маняше писем Владимира Ильича или Надежды Константиновны. Знает, что они останутся в руках жандармов. Во время субботних свиданий они с Анной Ильиничной ухитряются в присутствии надзирателя сообщать ей все новости.

Лежа на койке без сна, Мария Ильинична вспоминала волю и чаще всего именно Волгу, прогулки на лодках, покой и красоту заволжских далей.

Уходили силы. Не помогли ни гимнастика, ни мамины посылки. Она бледнела, лицо стало прозрачным. Внешняя хрупкость и беззащитность еще больше бесили следователя и начальство — материалы дела показывали, что именно эта слабая на вид женщина была руководителем группы, доставившей им столько неприятностей. В своем донесении в высшие инстанции полковник Семигановский докладывал: «Центральной фигурой саратовской группы являлась М. И. Ульянова, сестра известного Владимира Ульянова, ее сестра Анна Ильинична Елизарова, муж последней М. Т. Елизаров, являвшиеся ближайшими помощниками М. Ульяновой в стремлении воссоздать в Саратове прочную нелегальную организацию РСДРП».

Следствие накопец закончено. Все привлекавшиеся к делу получили по три года ссылки в северные губернии. Марии Ильиничне назначили Астраханскую губернию. Она просит мать походатайствовать об отправке на Север. Туда сослали товарищей, да и северные районы к Петербургу ближе, а ведь борьба разгорается. Предлог для просьбы — ее плохое физическое состояние и тяжелые климатические условия Астрахани. Милостивое согласие получено — Вологда.

Последние дни в тюрьме самые невыносимые, кажется, что никогда не покинешь опостылевшей камеры. Но вот и ее очередь «на выход, с вещами». Она с трудом идет по двору к воротам. Надзиратель даже помогает нести узелок. У проходной Аня и Марк. Садятся на извозчика, и здесь, за поднятым от дождя верхом (Марию Ильиничну освободили 19 октября), она, уткнувшись лицом в плечо Марка Тимофеевича, всплакнула. «От счастья, от воли», — говорила она сестре, улыбаясь сквозь слезы. На самом деле она была больна, ослаблена. Ехать в Вологду сейчас же, тем более идти этапом, она не могла. Пришлось писать очередное прошение — об отсрочке. Вместо ответа через два дня на квартиру пришел полицейский врач. Но и он констатировал истощение, малокровие. Отсрочка была получена, а также разрешение ехать на свой счет.

Первое время она не выходит из дома, постепенно силы возвращаются. Как всегда, она не может уехать, не наладив связи, не оставив надежных заместителей. Все тот же «Сергеев» доносил полицейскому управлению: «...Выяснилось, что с арестом Ульяновой и К^о связи с Центральным Комитетом потеряны, но имеется возможность их восстановления...» Провокатор написал об этом еще в августе. По этому можно судить, что, сидя в тюрьме, Мария Ильинична не порывала с волей, конспирация была налажена так, что на свободе остались люди, могущие наладить связь с Лениным. Думается, что полиция не зря выпустила Анну Ильиничну, надеясь проследить за теми, с кем она будет общаться, но просчиталась. Никого поймать не удалось, а связь с ЦК была налажена, хотя, конечно, арест и высылка из города 16 активнейших большевиков на время затормозили революционную работу.

Наступала зима... Пора было трогаться в путь. Марии Ильиничне не удалось увидаться с товарищами, угнанными по этапу. Полная тревоги за их судьбу, она поки-

пула Саратов. Ее сопровождал Марк Тимофеевич. Места рядом с ними занимали конвоиры. Пассажиры с недоумением и опаской поглядывали на «арестантов», а те, не обращая на них внимания, читали или разговаривали.

В Москве лишь пересели с поезда на поезд да отметили в полицейском управлении проходное свидетельство. Послали успокоительную открытку в Саратов. И опять мерное покачивание вагона. Все пустынное и заснеженнее просторы за окнами. Они ехали на Север, где зима давно вступила в свои права.

Вологда в снежном наряде выглядела чистой и уютной. Снова привычная процедура — отметка в полицейском управлении, и конвоиры поехали в обратную дорогу. Марк Тимофеевич наблюдал за доставкой багажа, помог устроиться в номере гостиницы. Мария Ильинична не распаковывала вещей, она еще должна была найти себе постоянное пристанище и, самое главное, выяснить, оставят ли ее в городе или пошлют в какой-нибудь медвежий угол. Пришлось идти на прием к начальнику жандармского управления, к губернатору они с Марком Тимофеевичем попасть не смогли.

Вопреки ожиданиям жандарм оказался очень любезен, оставил Марию Ильиничну в городе, предупредив, что здесь 60 человек политических и надо соблюдать осторожность, иначе ее могут отправить очень далеко. Начальник жандармерии улыбался, но в его глазах не было улыбки, а в голосе звучала явная угроза. Конечно, Мария Ильинична заверила его, что не собирается заниматься здесь политикой и что гораздо больше ее заботит — удастся ли найти уроки, поскольку она стеснена в средствах. Он сказал, что не будет возражать, если она станет давать уроки французского языка. Конечно, он уже знал, что Ульянову встречали друзья, со многими из которых ее связывала очень давняя совместная работа.

В Вологде существовала целая колония ссыльных — О. А. Варенцова, В. П. Милютин, И. А. Саммер, А. Д. Цюрупа, В. В. Воровский и многие другие. Марк Тимофеевич был спокоен — он оставлял Марию Ильиничну не одну, правда, из саратовцев в Вологду не попал никто. Станислав Кржижановский получил местом ссылки Великий Устюг. Недалеко — всего 600 километров, да не доедешь, не долетишь. Из письма матери и позднее из рассказов друзей узнала Мария Ильинична, как их вели через Волгу по ноябрьскому льду. Волга только-только стала. Лед

был еще тонок. Ссылльные были закованы в кандалы попарно. Сначала они не поняли, почему конвоиры держатся на некотором расстоянии, и, только услышав предательское потрескивание льда, почувствовав, как он пружинит под их тяжелыми шагами, поняли все. Берег, казалось, не приближается, а удаляется. Старались громко шутить и разговаривать, не смотреть под ноги. Если бы лед не выдержал, все они пошли бы ко дну с кандалами на руках. И была бы эта история отмечена как несчастный случай. Ступив наконец на берег, все чувствовали себя родившимися заново. И теперь Волга не казалась такой уж широкой и опасной. Читая письмо матери, слушая рассказы товарищей, Мария Ильинична переживала весь ужас этого пути. Природа оставила их в живых, она оказалась добрее жандармов.

Мария Ильинична поселилась в центре города, на Казанской площади. Большая комната с венецианским окном правилась ей, быт начинал налаживаться.

Как всегда, в письмах Мария Ильинична очень осторожна, она не называет никаких новых имен и фамилий, во всем полагаясь на Марка Тимофеевича, который должен рассказать Анне Ильиничне об обстановке и местных обитателях. «Жаль, — пишет она, — что никто из привлеченных со мной по одному делу не попал сюда (я ведь все же познакомилась с ними, когда ходила в охранное отделение), за исключением, впрочем, Скворцова, которого видеда сегодня. Ст. — назначен в Великий Устюг, Лар. в Грязовец, Сим. в Тотму. Все уж разъехались».

Она явно подчеркивает, что лишь при допросах познакомилась с теми, кого судили вместе с ней, и ничего не пишет о тех, кого встретила в Вологде.

Город, живописно раскинувшийся по берегам реки, понравился ей своими прямыми улицами, добротной застройкой, обилием деревьев. Она представила себе, как красиво здесь будет весной, и стала звать сюда Марию Александровну. Та привычно собиралась в путь, но, конечно, не в зимние морозы, а поближе к весне. Мать писала, что надеется на амнистию, ожидавшуюся в связи с празднованием 300-летия дома Романовых. Мария Ильинична не хотела разочаровывать ее, но она не очень-то верила в царские милости, и все-таки «повезло» — срок ссылки был сокращен на один год. Конечно, мать ждала полной амнистии, но и любое сокращение ссылки — огромная радость.

В очень короткий срок Мария Ильинична выросла в большевистскую колонию. Прежде всего она вошла в легальное общество «Просвещение», его членами были и служащие, и интеллигенты, и рабочие. Общество широко организовывало платные публичные лекции, в которых участвовали и ссыльные большевики — В. И. Потемкин, В. М. Фриче и другие. Это было хорошей возможностью собирать средства на партийные нужды и на помощь товарищам, когда они не могли найти работы многосемейным, тем, кто не имел средств к существованию. Мария Ильинична немедленно вступает и в нелегальную кассу взаимопомощи ссыльных.

Через некоторое время она познакомилась со многими учительницами, записалась в публичную библиотеку. Ее огорчало лишь одно — ничего не получалось с работой. Мест не было. Чтобы практиковаться во французском языке, она давала бесплатные уроки дочери хозяйки квартиры.

С самого начала года она стала регулярно получать нелегальную литературу — газету «Правда», журнал «Просвещение» и т. д. Конечно, как всегда, на вполне «лояльные» адреса.

Один из вологодских ссыльных, С. В. Борисов, вспоминал: «С приездом Марии Ильиничны, помню, ссылка как-то сразу оживилась, воспрянула... Она информировала о текущих событиях, знакомила с перепиской Владимира Ильича. Как-то само собой установилось, что Мария Ильинична стала центром в жизни нашей ссылки, и не только среди большевиков, но и других ссыльных».

Борисов работал в железнодорожных мастерских и помог связаться с рабочими, организовать там кружок, который стала вести Мария Ильинична. Очень удачно получилось, что медицинский пункт при этих мастерских обслуживал большевик С. Н. Прибытков, служивший там фельдшером. Он оповещал рабочих о месте и времени съезда. Мария Ильинична свободно встречалась с его женой в библиотеке, заходила «поболтать» домой. Дружба двух молодых, интеллигентных женщин не вызывала недоумения у властей.

В ссыльной колонии были и большевики и меньшевики. На вечеринках шли жаркие споры о путях и методах борьбы. Часть меньшевиков яростно выступала против философских концепций Ленина. Спор иногда приводил к разрыву.

Мария Ильинична считала, что каждый должен занять

наконец твердую позицию. Она не терпела людей примиренческого типа, пытавшихся сидеть между двух стульев. Перед ее глазами всегда стояло огорченное лицо Владимира Ильича, который рассказывал, как Глеб Кржижановский метался после второго съезда и все не мог понять, что раскол имеет глубоко принципиальное значение и его нельзя объяснить личными качествами того или иного из членов двух групп.

Готовя партию к новой революции, Ленин требовал от каждого ее члена теоретической подготовленности и полной самоотдачи. И Мария Ильинична работает не жалея сил. В Вологде появились новые газеты и журналы, в кружках — ленинская литература, да и самих кружков стало больше, они возникли почти на всех предприятиях.

Мария Ильинична ждет мать, старшую сестру и мальчика Гору, воспитанника Анны Ильиничны Георгия Лозгачева. Она прекрасно знает, что они приедут не ранее начала июня, тем не менее уже в феврале занята «выбором» квартиры. Это дает ей возможность посещать разные районы города, заходить в различные дома, да и со знакомыми можно встречаться почаще — ведь наем новой квартиры — очень серьезное дело.

В этот период Мария Ильинична много читает, занимается языками, переводами. Теперь Владимир Ильич шлет ей из-за границы проспекты издательств, хлопочет о заказанных ею книгах, делится своими впечатлениями: «...О новой немецкой литературе? Только что закончил чтением четыре тома переписки Маркса с Энгельсом. Хочу писать о ней в «Просвещении». Много интересного. Жаль, что дорого издали черти — немчура: 40 марок! Не читал еще новой книги Вера «История социализма в Англии», но скоро прочту.

Вышла недавно [книга] Кунова о происхождении религии. Прислал бы тебе ее (я ее куплю), но боюсь, не дойдет. Если ты получаешь или достаешь «Neue Zeit», то там есть перечень всего интересного. Буржуазной новой литературы не вижу. Если хочешь, пришлю тебе перечень всех вообще новых книг по-немецки (маленькое издание книгопродавца Hinrichs'a в Лейпциге — ежемесячно получаю) (55, 345). Можно не сомневаться, что Ленин слал сестре не только письма с литературными и семейными новостями, были и партийные указания, только она не имела права такие письма хранить.

Наконец прошли месяцы жизни у посторонних людей — семья Ульяновых, если и не в полном составе, все-таки собирается вместе.

Мария Ильинична счастлива, хлопоты по устройству не кажутся ей обременительными. С особыми удобствами ей хочется устроить Марию Александровну. Мать вызывает у нее искреннее восхищение — в свои 78 лет она очень подвижна, полна энергии, ум ее ясен и остер. Недаром Владимир Ильич как-то сказал: «Мама для меня идеал, идеал женщины и человека». Всегда опрятно и со вкусом одетая, с кружевной наколкой на белоснежных волосах, она полна достоинства и какой-то особой красоты. На лице ее печать огромного интеллекта и следы пережитых страданий. Ни на минуту Мария Александровна не выключается из активной жизни, у нее хватает сил помогать детям. Ее стойкость и мужество служат постоянным примером для дочерей.

Мария Ильинична с искренним удовольствием показывает матери и сестре город и его окрестности. «Ты стала настоящей вологжанкой, — смеется Анна Ильинична, — так расписываешь город, как будто это твоя вотчина». — «Ничего, обжилась, друзей много, работаем хорошо, вот и привыкла. А городок действительно прелесть», — отвечает Мария. Лучшее всего общее настроение после встречи выражено в письме Марии Александровны к Марку Тимофеевичу: «Мы живем уже здесь с 1-го июня, и я огляделась и познакомилась несколько с Вологдой. Конечно, природа и окрестности здесь не те, что в Феодосии (Мария Александровна гостила весну у Дмитрия Ильича, служившего в Феодосии земским врачом. — *Авт.*) — нет моря, нет тех чудных видов, как там, но все же Вологда понравилась мне более, чем я того ожидала. Здесь масса зелени, что мне очень нравится, и пыли не так много, как бывало в Саратове и в Феодосии. Недалеко от нас поле, луга с полевыми цветами — воздух там прекрасный, а дальше рожь, где мы собираем васильки. Гора чувствует себя очень хорошо там, порхает, как бабочка, и возвращается домой с огромными букетами. Мы были там уже несколько раз. Бываем и на набережной реки Вологды, пристают довольно большие пароходы, вид с набережной красивый, а дальше по ней березовая роща, а за ней прелестный садик с красивыми цветами на клумбах, и в нем домик Петра Великого, который мы осматривали. Гуляем и по бульвару, собираемся подальше за город, и говорят, и там есть красивые места для прогулок».

Далее Мария Александровна передает содержание полученного от Владимира Ильича письма и шлет Марку Тимофеевичу самые теплые пожелания. Опять перед нами картины тихой семейной жизни. Как будто бы ничего более. Но большинство ленинских статей, появившихся в те годы в большевистском общественно-политическом журнале «Просвещение» и других журналах, идут через сестер. Идет и подготовка к созданию женского журнала «Работница», в редакцию которого должна была войти Анна и где затем деятельно сотрудничала Мария. Изыскиваются средства на издательские дела, и большевики, живущие в Вологде, проводят сборы среди рабочих, делают отчисления с лекций и рефератов, обращаются к интеллигенции, сочувствующей борьбе за революционные преобразования в России. О том, что Мария Ильинична имела теснейшие связи с Петербургским комитетом и Заграничным бюро большевиков, свидетельствует огромное количество нелегальной литературы, отобранной у нее впоследствии при обыске: журналы «Работница», «Просвещение», «Наша заря»; газеты «Рабочая правда», «Живая жизнь», «За правду», «Новая рабочая газета», «Путь Правды», «Северная рабочая газета», «Верная мысль», «Стойкая мысль». Все это доставлялось нелегально, с риском и трудностями. Мария Ильинична получала всю эту литературу в нескольких экземплярах, конечно, не для того, чтобы хранить ее в тайниках.

Благодаря сестре Ленина вологодские большевики принимали наивысшее участие в работе ленинской партии. Само собой разумеется, что Мария Ульянова не только получала и рассылала нелегальную литературу, она активно сотрудничала в большевистских изданиях, организуя корреспонденции с мест на острые, животрепещущие темы. В одном из писем Анны Ильиничны читаем: «Дорогая моя Манечка, обнимаю тебя крепко и посылаю любимую твою сирень и пожелание здоровья и хорошей, веселой весны. Как чувствуешь ты себя теперь, голубочка моя? Книжки французские постараюсь выслать нынче. Получила ли № 2-й «Работницы» и что скажешь о нем? Нужен бы пасхальный материал к следующему №. Не имеется ли у кого-нибудь что-нибудь переводное подходящее? Почему не отзываетесь на это?..

Посылаю сейчас № Станиславу; Петру (Залуцкий П. А. — знакомый М. И. по вологодской ссылке. — *Авт.*) не хочу, зачем с тобой ссориться...» Конечно же, речь идет не о пасхальном, а о первомайском материале,

и не о переводном, а о местном, так необходимом журналу. Из письма Анны Ильиничны также видно, что Мария Ильинична имела в Вологде постоянную связь со всеми товарищами по Саратову, сосланными в разные города Вологодской губернии. Переписывается она и со Станиславом Кржижановским, ведь он по-прежнему друг и соратник по борьбе.

Куда бы царское правительство ни засылало большевиков, вокруг них сейчас же образуются коллективы, разделяющие ленинские идеи и тесно связанные с партийными центрами.

Эти связи были так хорошо законспирированы, известны такому ограниченному количеству лиц, что некоторые письма и сейчас мы не можем расшифровать, то есть объяснить, какое событие в партийной работе за ними скрывается. Одно из таких писем Марии Ильиничны из Вологды в Поронин на имя Надежды Константиновны хотелось бы привести:

«Дорогая Надя!

Сейчас получила твое письмо. Почти не сомневаюсь, что мальчик наш проехал, он должен был ехать сейчас после экзаменов. Видеть его здесь мне не удалось, хотя я пыталась. На случай запрошу сегодня, но, повторяю, это совершенно невероятно.

Дядя хотел приехать в июне, но числа точно не знаю. Целую тебя и В.

Твоя М.».

О чем здесь идет речь, можно только гадать. Но самое главное для нас ясно — Мария Ульянова как бы представитель большевистского, ленинского ЦК в огромной области, центр, вокруг которого группируются партийцы.

Постепенно деятельность Марии Ильиничны приобретает такой размах, что привлекает внимание полиции. Жандармы находят нужным установить за ней тайное наблюдение. И опять в ее дело подшиваются небольшие листки из полицейского журнала наблюдений. Шпики описывают даже одежду, в которой Мария Ильинична вышла из дома, фиксируют, идет она с зонтиком или без него, несет ли в руках что-нибудь и что именно. Скрупулезно перечисляются совместные с матерью прогулки, магазины, в которые они заходили, сделанные ими покупки. Каждый из наблюдателей стремится показать свое рвение. Так, один из них пишет, что М. И. Ульянова вышла из дома с пакетом, похожим на прошение, пошла

в губернскую управу, вышла без пакета. По минутам засекается время, которое они с матерью просидели на скамейке в городском саду, перечисляются все, с кем Мария Ильинична говорила на улице хоть несколько минут. А те, кто побывал у нее дома, как правило, уходят в сопровождении филера. 18 марта 1914 года соглада-тай доносит: «...Наблюдение начато в 9 часов утра. В 10 час. 35 мин. утра наблюдаемая вышла из своей квартиры и пошла на Пятницкую улицу в редакцию Вологодского листка, в 11 час. 15 м. утра из редакции пошла на свою квартиру, в 11 ч. 50 м. утра наблюдаемая вышла из дому вместе со своей матерью, пошли на Александровскую ул. в дом № Дворянского собрания на 5-ю выставку картин, в 1 час. 10 м. д. вышли, пошли в свою квартиру, и больше выхода не видели...»

Из полицейских записей мы узнаем, что у Марии Ильиничны на квартире был «Ухват» — такую кличку дали жандармы Юрию Эдуардовичу Клиндзину, которого они считают главным организатором кассы взаимопомощи ссыльных и распространителем литературы.

События в партии и в международном социал-демократическом движении нарастали. В России рабочий класс вновь перешел в наступление на царизм. Поднималось на борьбу крестьянство. Революционный подъем протекал в условиях быстрого развития капитализма, резкого размежевания классов, в условиях усиления рабочего движения в Европе и пробуждения Азии. Партия Ленина готовила новый съезд, готовился и конгресс II Интернационала. И съезд и конгресс намечалось провести летом 1914 года в Вене. Осенью 1913 года Ленин проводит в Перонине совещание большевиков, которое позднее по важности принятых на нем решений приравнивается к партийной конференции. По докладу ЦК, сделанному Владимиром Ильичем, совещание приняло ленинские резолюции «О задачах агитации в настоящий момент», «По организационному вопросу и о партийном съезде». Партия разрабатывает новые положения по национальному вопросу. Ленин в извещении о совещании писал: «Путь намечен. Партия нашла основные формы работы в нынешнюю переходную эпоху. Верность старому революционному знамени испытана и доказана в новой обстановке и при новых условиях работы. Самое трудное время позади, товарищи. Наступают новые времена. Надвигаются величайшей важности события, которые решат судьбу нашей родины.

За работу же!»

Этот оптимистический призыв дошел до самых отдаленных партийных ячеек. Большевики пользовались колоссальным авторитетом у рабочих. Газету «Правда», которую большевики начали выпускать весной 1912 года, рабочие считали своей газетой.

ЦК большевиков поручает М. И. Ульяновой («Медведю») возглавить организационную комиссию Севера по подготовке к съезду РСДРП. Первоочередной задачей был сбор необходимых средств. Один из помощников Марии Ульяновой, тоже ссыльный большевик — И. Е. Любимов, рассказывал: «Вместе с Марней Ильиничпой мы запылись рядом довольно успешных для партии фанасовых предприятий... Нам удалось в течение длительного времени собирать каждый месяц от 100 до 200 рублей и посылать их в распоряжение Ильича. Эти средства получали мы путем устройства лекций наших марксистских лекторов...»

В конце 1913 — начале 1914 года в Вологде была создана сплоченная, сильная группа большевиков, руководителем которой фактически была Мария Ильинична Ульянова.

Начавшееся оживление революционного движения вызывает ответные действия царских властей. Полиция проводит в Петербурге, Москве и других крупных промышленных центрах повальные обыски и аресты. В Петербурге при участии провокатора был разгромлен склад газеты «Правда». Полиции удалось захватить список адресов, по которым рассылали газету. Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге направил в Вологодскую охранку строго секретное предписание:

«Ввиду предстоящего партийного съезда большевиков Российской социал-демократической рабочей партии и международного социалистического конгресса, требующих предварительного подъема настроения на местах для избрания соответствующих делегатов, и считаясь вообще с недостатком на местах партийных работников для изустной пропаганды, вожаки указанной партии занялись усиленной рассылкой из С.-Петербурга в провинцию специальной литературы, в виде книг и брошюр, изданных явочным порядком в 1905—1907 г. преступного и тенденциозного содержания...» Далее в предписании предлагается: «4. Адрес. Вологда. Московская ул., д. Самарина.

Ее превосходительству М. А. Ульяновой. Предписывается провести обыск... При производстве обысков надлежит иметь в виду, что рассылалось много литературы, хотя и не поименованной в каталогах, но преступного характера, поэтому в случае обнаружения изданий необходимо осматривать их по существу содержания, не ограничиваясь проверкой по каталогу запрещенных изданий...»

Когда пришло это предписание, Мария Ильинична с матерью, получив соответствующее разрешение, жила на даче в деревне Раскопino. Вместе с ними жила Катюша Макарова — девушка-подросток, которую они вызволили из швейной мастерской, находившейся в подвале дома, где они снимали квартиру. Не было сил смотреть на тычки и зуботычины, которые сыпались на ясноглазую трудолюбивую девчущку. От плохого питания личико ее стало совсем прозрачным. Мария Александровна уговорила хозяйку отпустить с ними Катюшу в деревню. И она помогала по хозяйству, стараясь как-то отблагодарить Марию Ильиничну и ее старушку мать за заботу.

Жандармы, как всегда, нагрянули ночью, до смерти испугав Катю. Прижавшись к спокойной севшей у окна Марии Александровне, она с ужасом смотрела, как все в доме переворачивали вверх дном, и не понимала, почему молчат Мария Ильинична и ее мать. Постепенно расхрабрившись, она вдруг бросилась к жандарму: «Это зачем же вы чистое белье бросаете? Вам его, что ли, стирать!» Тот грубо замахнулся на нее: «Замолчи, малолетка, не лезь не в свое дело». — «Как это не в свое, самое это мое дело!» — «Тогда пойдем!» И ее повели вместе с понятыми на чердак. Простукивали стены, пол, смотрели за застрехами. Ничего. Но вот кто-то толкнул гору бочонков для огурцов и капусты, стоявших в углу. Кадушки рассыпались, из одной выпал сверток с газетами. Жандармы еще более рьяно принялись за дело. Найденные книги, газеты, журналы несли вниз, к ротмистру, посившему звучную фамилию Минип-Минарский, который внимательно просматривал каждую книгу. Так он страницу за страницей прочел сборник стихотворений «Наши песни» и в своем донесении не только отметил тенденциозность и яркую антиправительственную направленность большинства помещенных здесь произведений, но и особо остановился на стихотворении «К ушедшим»:

Товарищи-братья, насильно гонимые,
Не падайте духом: по вашим стопам
Несем мы заветы, народом хранимые,

Идем мы навстречу народным мечтам.
К вам мы придем и отворим темницы,
Выведем вас мы из них навсегда.
Ждите: уж вспыхнули счастья зарницы.
Мощь наша — сталь, наша сила тверда.
Радостно встретят вас дети парода,
Меч подадут вам и знамя труда.
Равенство, братство, святая свобода
Нас не покинут уже никогда.

Если при обыске были отобраны стихи, если одно слово «свобода» относилось к книге в разряд недозволенных (отобрали книги А. И. Одоевского, К. Ф. Рылеева, Джека Лондона), то, конечно, отобрали такие работы, как «Еще одно уничтожение социализма», «Исторический материализм», «Две правды», «Больничные кассы», «Капитал и труд», «Из истории культуры», «Бюрократия и абсолютизм», «Материализм и эмпириокритицизм», «Нищета философии» и т. д.

Обыск завершился к утру. Ясное небо, солнце, щебетанье птиц так не вязались с разгромом, царившим в доме, со злыми лицами жандармов, с бледностью, залившей лица матери и дочери. Ротмистр решил отвезти Марию Ильиничну в город, чтобы оформить протоколы обыска. Мария Александровна твердо заявила, что проводит дочь до станции. «Мама, ты не дойдешь, это трудно для тебя». — «Ничего, мы с Катей не спеша, прогуляемся». Туда добрались по утренней прохладе хорошо. Скоро подошел поезд. Марию Ильиничну увезли. Жандармы и теперь не увидели слез ни матери, ни дочери. Простились спокойно. «Не волнуйся за меня», — только и сказала Мария Александровна, обняв дочь. Та нежно поцеловала ее и вошла в вагон.

На другой день Мария Ильинична вернулась. И лишь через много лет узнала, как мать добиралась до дачи. Путь до деревни показался ей бесконечным. Позднее Екатерина Кузьминична вспоминала: «...обратно шли часа три-четыре, — Мария Александровна расстроилась, идти не может. На какой-нибудь пенек присядет отдохнуть, я ей цветов наберу...»

У Марии Ильиничны день тоже оказался тяжелым, ее увезли, чтобы сделать обыск на городской квартире. Все повторилось еще раз; разгром, бесконечные вопросы жандармов, стопки отобранной литературы. Уходя, ротмистр сказал: «Пока можете быть свободной. — И еще раз прибавил: — Пока...»

19 июля началась первая мировая война, в которую Россия вступила через три дня, еще через несколько дней в газетах появилось сообщение об аресте Ленина в Польше. Мария Ильинична и Анна Ильинична стараются не показывать матери газет и пытаются выяснить истинное положение вещей. Но война затруднила связи между странами, осложнила формы политической борьбы. Ленин 23 августа наконец прибыл в Швейцарию, освобожденный благодаря поддержке польских и австрийских социал-демократов. На другой день он прочел товарищам свои тезисы: «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне».

Только Ленин и большевики выдвинули лозунг — превратить империалистическую войну в войну гражданскую. Владимир Ильич клеймит измену вождей европейской социал-демократии, голосовавших за военные кредиты. Он выступает на собраниях, работает, а родные в России ничего не знают о его судьбе. Первое известие о нем дошло до Вологды лишь 18 сентября. К этому времени следствие по делу Марии Ильиничны, начатое Вологодским жандармским управлением, было закончено. Все материалы следствия: протоколы, конфискованная литература, характеристики и заключение офицера, ведущего следствие, — пошли по инстанциям, то есть были направлены жандармскому полковнику Иванову, который, старательно «вникнув в дело», написал обстоятельное заключение. В частности, он писал: «...дочь действительного Статского советника Мария Ильина Ульянова хранила у себя произведения печати, на кои наложен арест судебными установлениями, причем журнал «Работница» был в нескольких экземплярах, из коих один экземпляр был у нее на даче, что указывает на распространение Ульяновой запрещенной литературы... почему постановил: все производство по отношению означенной Ульяновой выделить и препроводить Вологодскому Губернатору с ходатайством о наложении на Ульянову взыскания в административном порядке...»

Собственно, никаких оснований для возбуждения дела нет, но ведь у жандармов уже давно сложилось мнение, что Мария Ульянова «...является в гор. Вологде центральным лицом среди политических ссыльных». Вот почему губернатор приговорил Марию Ильиничну к тюремному заключению на оставшийся срок ссылки, то есть на месяц.

Предписание застало Марию Ильиничну на даче

в Раскопине. Хорошо, что в это время вместе с матерью и сестрой жила Анна Ильинична, приехавшая из Петербурга. Когда Марию Ильиничну увезли, мать, державшаяся, казалось, с большим самообладанием, неожиданно потеряла сознание. Доктор, приехавший из города, констатировал нервное переутомление. Пришлось срочно переезжать в город. Мария Александровна была слаба и волновалась — не прибавили бы дочери срока ссылки, которая заканчивалась 22 сентября. Она пишет ей ласковые, заботливые письма, подготавливает посылки и объясняет свою неявку на свидание легкой простудой. Сама она от волнения не находит себе места — война, нет вестей от Владимира, Дмитрий мобилизован в армию, Мария арестована. В городе распоясались черносотенцы, царят ура-патриотические настроения, мещанство озлобилось против политических ссыльных, выступавших за поражение России.

Мария Ильинична в своих воспоминаниях так описывает свое сидение в вологодской тюрьме. Ее посадили в участок, находившийся при пожарной части: «...отсидка была вольготная. Я могла часами гулять по пожарному дворику, ко мне ходили ссыльные, жена брандмейстера приносила мне пирогов и яблок и приглашала к себе на квартиру, которая находилась тут же при участке...»

Городовой, смущенно переминаясь с ноги на ногу и кашляя в усы, попросил позаниматься с его девятилетней дочерью: «Вам все равно сидеть, а так и время пройдет быстрее, и я против ваших прогулок возражать не буду». Школьная премудрость давалась его дочери туго. Мария Ильинична занималась с ней по утрам, девочка привязалась к ней и рассказывала ей все городские новости, а новости были тревожные — аресты, погромы, демонстрации.

Разгул шовинизма приносил свои плоды. Обыватели видели во всем немецком и в каждом немце врага. «Раз поздно вечером, — пишет Мария Ильинична, — я собиралась уже укладываться спать на свои необъятные нары, как в соседней комнате раздался невероятный шум, брань и звуки побоев. Я бросилась к дверной форточке и увидела следующую картину: городовой тащил за шиворот в «пьянку» немецкого матроса, ругая его на чем свет стоит и награждая обильными тумаками. Я подняла шум и стала требовать объяснений этим побоям...» Городовой стал объяснять, что немец хотел зарезать двух русских детей и его мало посадить в кутузку, его, конеч-

но, повесят, когда разберутся. Мария Ильинична решительно прервала брань городского и обратилась к матросу по-немецки: «Что случилось, друг?» Тот, обрадованный, что наконец может объясниться, рассказал — в городе пристало их торговое судно. Он шел по бульвару, а мальчишки что-то кричали ему вслед и бросали камнями и комьями грязи. «Я не обращал внимания, тогда они подошли ближе, камень попал мне в голову, я пригрозил, что поколочу их, а они позвали городского, он притащил меня сюда». Мария Ильинична перевела ему слова городского, что он якобы хотел зарезать мальчиков. Матрос как-то по-детски улыбнулся и стал выворачивать карманы. «Чем я мог их зарезать, у меня нет оружия». Городовой прервал их разговор и хотел посадить моряка в карцер, но Мария Ильинична решительно потребовала, чтобы вызвали пристава, сказав, что будет переводчиком. Пока посыльный бегал за приставом, они с моряком поговорили. Он оказался социалистом, парнем с рабочих окраин Востока. Гневно осуждал он войну, говорил, что совсем не хочет воевать с русскими рабочими. Явился пристав и, выслушав рассказ, был вынужден отпустить матроса. Тот долго, горячо благодарил Марию Ильиничну.

Последние дни сидения под арестом тянулись особенно томительно. 19 сентября на свидание пришла Анна Ильинична. Мария сразу заметила, что лицо сестры сияет, она едва сдерживает волнение. После первых приветствий сестры, не стовариваясь, перешли на немецкий язык. Городовой хотел сделать замечание, потом махнул рукой и ушел в другой конец тюремного двора. Обнимая сестру, Анна Ильинична тихо сообщила ей, что Марк прислал письмо, где говорит, что Владимир Ильич жив, вырвался из польской тюрьмы и уже в Швейцарии. Прислал свой новый адрес. Сестры ликовали. Тревога за жизнь любимого брата улеглась.

Вечером Анна Ильинична писала в Швейцарию: «Дорогой Володя. Наконец-то мы получили весть от тебя (через Марка) и узнали твой адрес; очень уж тревожно было до тех пор... У нас с начала августа тоже было неблагополучно: мама захворала на другой же день после переезда из деревни и пролежала три недели. Теперь хоть поправилась, но все еще слаба... Было у нее что-то нервное — от переутомления, объяснял доктор: головные боли и большая слабость.

Очень она беспокоилась о тебе. Мы, конечно, не ска-

зали ей о случае в газетах, она считала, что ты в Стокгольме, но все же тревожилась отсутствием вестей. Не пиши уж лучше ей, если пришлось в большой переделке побывать в Австрии, — будет потом все представляться возможность повторения. Очень она стала нервной. А мне и Марку в Петербург напиши подробнее... У нас еще была неприятность: Мавя была административно посажена под арест на месяц за хранение конфискованных изданий. Послезавтра это наконец кончается. Она здорова и выпесла заключение хорошо, кажется. Тяжелее было для мамы...»